

прѣдѣша црѣкви , гла
при коѡкразѣ стѣхѣ
Днѣже гавлѣють
члѣстѣво кохрѣтѣ
менокати наеке живѣ
срѣтѣ хрѣтоу , иже
къ спѣхѣ .

Игорь Родинков

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

Дрѣвнѣе црѣбѣноѡе прѣданіе стѣхѣтѣ дѣлѣтѣ , неѡмѣ
бѣтѣ . кѣко оуѡко подоклѣтѣтѣ прѣпослѣднѣиѣ
номѣ слѡгѣши пѣрѣтѣи ииѣрѣтѣиѣ , тѣмѣнѣ
слѡцѣлѣти архіерѣомѣ , ииѣрѣомѣ . о тѣмѣ зѣлѣски

12+

Игорь Родинков

**Старообрядчество
и церковный раскол**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Родинков И. А.

Старообрядчество и церковный раскол / И. А. Родинков —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Церковный раскол 17 в. был вызван не столько изменением некоторых обрядов, хотя внешне выглядел именно так, «Умрем за единый аз!» – вещали старообрядцы, сколько разностью взглядов на смысл русской жизни и истории. Старообрядцы – приверженцы теории «Москва – третий Рим», а православные – Россия это часть Вселенского православия. «Я русский, но вера моя греческая» – говорил патриарх Никон. А в результате при Петре I Россия пошла по третьему пути – светской империи. Русь Великая победила Русь Святую. Книга состоит из 2 частей: «Раскол как явление русского самосознания» и «История старообрядческой Церкви». Обложка оформлена автором.

Содержание

Часть I. Раскол как явление русского самосознания	5
В преддверии Раскола	5
Никоновская реформа	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Часть I. Раскол как явление русского самосознания

В преддверии Раскола

Во второй половине XVII века в истории Русского государства и Церкви произошло событие, получившее название *Раскол*. «Его значение в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности», – писал митрополит Иоанн Снычев.¹

Об этом же писал и Николай Бердяев в своей работе «Русская идея»: «Раскол XVII века имел для русской истории гораздо большее значение, чем принято думать... С него началось глубокое раздвоение в русской жизни и русской истории, внутренняя расколотость, которая будет продолжаться до русской революции. И многое тут находит свое объяснение. Это кризис русской мессианской идеи... Раскол подорвал силы русской церкви, умалил авторитет иерархии и сделал возможной и объяснимой церковную реформу Петра».²

Раскол начался в царствовании второго царя из династии Романовых – Алексея Михайловиче (1645 – 1676). До тех пор не было на Москве такого царя. Добродушный, ласковый, приветливый ко всем, Алексей Михайлович получил недаром прозвище «Тишайшего». Добродушие царя особенно сказывалось в домашней жизни: он был прекрасным семьянином и жил со своей супругой Марией Ильиничной Милославской душа в душу. Он был из тех людей, которые хотели, чтобы не только у них, но и у всех близких было на душе светло и радостно. Набожен и благочестив был он в высшей степени, любил читать священные книги, проводил каждый день часов по пяти в церкви, клал усердно поклоны, посты соблюдал очень ревностно. Редкие душевные качества царя пленяли даже иностранцев. Их отзывы говорят, что он «такой государь, какого бы желали иметь все христианские народы, но немногие имеют». Однако царь Алексей Михайлович по своей мягкой природе постоянно нуждался в советниках; он всем сердцем привязывался к людям, близко стоявшим к нему, легко поддавался их влиянию. Такими близкими к нему людьми были в начале царствования боярин Морозов, а потом патриарх Никон. Возможно, этим и можно объяснить, почему в его царствование мы видим столь много бед и неурядиц.

Однако совсем не тишайшим было царствование Алексея Михайловича. Оно явилось страшно тяжелой полосой для Русского государства: долгая и трудная война за Украину, постоянные внутренние смуты и беспорядки, безденежье – вот что представляет это время. Царствование Алексея Михайловича было самым бунташным: соляной и медный бунт в Москве, восстания во Пскове и Новгороде, Соловецкое восстание и, наконец, восстание Степана Разина (1670 – 1671). Однако этот период ознаменовало и немало славных дел. Одно лишь знаменитое «Уложение» 1649 г., именуемое иначе «Свод всех законов», могло бы «составить славу целого царствования». Именно при Алексее Михайловиче окончательно возвращаются России земли Малороссии, отторгнутые от нее враждебными соседями в годину татарского нашествия. При нем Литва и Польша окончательно утратили наступательный порыв, отступив в отношении с Русью на роль обороняющейся стороны.

Но, пожалуй, главным событием царствования Алексея Михайловича был церковный Раскол. Непосредственным поводом для раскола послужила так называемая «книжная

справа» – процесс исправления и редактирования богослужебных текстов. Но начался он задолго до Никона.

В Древней Руси все книги переписывались монахами от руки. Когда вследствие монгольского ига просвещение на Руси упало, в церковно-богослужебные книги малограмотными переписчиками было внесено много ошибок, иногда искажавших смысл известного места в книге. Давно высшее русское духовенство замечало эти ошибки. Первая попытка их исправить были предпринята при великом князе Василии III. Он поручил заняться этим Максиму Греку. Тот был афонский монах, весьма образованный, начитанный. Максим Грек приехал в Москву в 1518 году и приступил к разбору и переводу некоторых греческих и русских рукописей. Греки в ту пору уже не внушали к себе на Руси особого доверия. Византия уже тогда находилась под властью турок (1453 г.), а еще раньше греки подписали унию с Римским папой (Флорентийская уния, 1439 г.). На Руси говорили, что греки стали не тверды в истинной вере. Поэтому, когда Максим стал исправлять славянские книги по греческим рукописям, в русском обществе поднялся ропот, мол, он якобы портит церковные книги. Ему пришлось оставить исправление книг, а он сам при митрополите Данииле был осужден церковным судом и отправлен в ссылку в тверской Отрочь-монастырь. Более 20 лет провел Максим Грек в заточении, пока в 1551 г. царь Иоанн IV не освободил его из заточения и позволил ему жить в Сергиевой лавре, где он и скончался в 1556 г.

Сам царь Иоанн IV решил упорядочить церковную жизнь и для этого в 1551 г. созвал Стоглавый собор. Предметом обсуждения на нем, среди многих других, стал и вопрос о церковных книгах. Их порча через переписывание неподготовленными писцами, допускавшими ошибки и искажения, была очевидна для всех. Собор горько жаловался на неисправность богослужебных книг и вменил в обязанность протопопам и благочинным исправлять их по хорошим спискам, а книг непересмотренных не пускать в употребление. Тогда же возникло убеждение, что надо завести вместо писцов типографию и печатать книги. Однако существенных исправлений книг не произошло. Единственное, чего удалось достигнуть, было предупреждение новых ошибок, – патриарх Гермоген установил для этого при типографии даже особое звание книжных справщиков.

В Смутное время печатный дом сгорел, и издание книг на время прекратилось, но, как только обстоятельства позволили опять, за издание взялись с завидным рвением. При патриархе Филарете (1619 – 1633), Иоасафе I (1634 – 1641) и Иосифе (1642 – 1652) труды, предпринятые по этой части, доказали необходимость сверки не по славянским спискам, а по греческим оригиналам, с которых когда-то и делались первоначальные переводы.

В ноябре 1616 года царским указом поручено было архимандриту Сергиевской лавры Дионисию, священнику села Климентьевского Ивану Наседке и канонархисту лавры старцу Арсению Глухому заняться исправлением Требника. Книгу они исправили, но себе на беду. В Москве огласили их еретиками, и на соборе 1618 года постановили «отлучить от церкви Божией». Дионисия держали под стражей, а в праздничные дни в кандалах водили по Москве в назидание народу, кричавшему: «Вот еретик!» – и бросавшему в страдальца чем попаало. Восемь лет он томился в заточении, пока патриарх Филарет не получил в 1626 году письменный отзыв восточных первосвятителей в защиту исправлений, произведенных Дионисием.

Дело, начатое Максимом Греком и Дионисием, продолжилось при патриархе Иосифе и царе Алексее Михайловиче, когда по государеву указу от 1649 г. келарь Арсений Суханов отправился на Восток за поиском древних достоверных списков. Он исколесил в поисках таких не одну сотню верст и вывез в Россию около семисот рукописей, 498 из которых были собраны им в Афонских монастырях, а остальные обреты в «иных старожитных местах».

В начале царствования Алексея Михайловича ряд выдающихся церковных деятелей создали «Кружок ревнителей благочестия». В него вошли священники Иван Неронов, Иван Наседка, Логгин, Лазарь, Даниил, Гавриил, духовник юного царя Стефан Вонифатьев, знаменитый Аввакум и будущий патриарх Никон, тогда архимандрит Новоспасского монастыря. В кружок входил и сам царь. Представителей этого кружка часто еще называли боголюбцами. Они действовали по двум направлениям. Во-первых, занимались устной проповедью благочестия, закрытием кабаков, устройством богаделен, приютов для сирот. Во-вторых, – исправлением обряда и богослужебных книг.

В то время в храмах Великороссии для экономии времени практиковалось многогласие, т. е. одновременная служба разным святым и разным праздникам, ибо службы были очень длинными, и выстаивать их целиком москвитам было недосуг. В предшествующие времена многогласие никого не волновало. Иначе взглянули на него в эпоху бунтов и самозванцев. Ревнителям православия стало ясно, что моногласные службы выводят прихожан из-под влияния Слова Божия, и они стали бороться за единогласные службы. Однако патриарх Иосиф, человек малообразованный и слабый в делах управления Церковью, запретил единогласные службы, мотивируя это тем, что прихожане будут игнорировать длинные службы. Он разрешил лишь единогласные службы по монастырям и в отдельных приходах. Свое решение патриарх объяснял решением архиерейского собора 1649 года, где епископат выступил против введения единогласия и начала полного литургического обновления.

Однако у введения единогласия в Русской церкви было немало влиятельных сторонников – это Никон, ставший к тому времени Новгородским архиепископом, духовник царя Стефан Вонифатьев, и наконец, сам царь – Алексей Михайлович. Под давлением царя и по совету Константинопольского патриарха Парфения Иосиф решил временно отложить вопрос о единогласии. В конце концов, членам «Кружка ревнителей благочестия» удалось на соборе 1651 г. добиться решения о введении в церквях Московской Патриархии единогласного пения, которое совершалось в основном по малороссийскому распеву. Наряду с ним в церквях совершалось пение древнегреческим многоголосовым знаменным напевом.

Вообще период раннего царствования Алексея Михайловича с 1645 по 1652 год отличался определенными успехами в борьбе с пороками в церковной жизни. Последовал ряд указов патриарха Иосифа о соблюдении постов, о прекращении работ в праздничные и воскресные дни, правительственный указ о закрытии кабаков, лавок и других питейных заведений в большие церковные праздники.

Особые грамоты и указы правительства и патриарха призывали население не работать по воскресеньям, а посещать храмы; запрещали заниматься колдовством, гаданием, игрой в карты и кости. Особенно ополчилось правительство и духовенство против скоморохов, начиная с 1648 г. последовал ряд грамот, запрещающих зрелища скоморохов, дрессировку медведей, собак и д. т.

Одновременно, проводя в жизнь программу боголюбцев, царь и правительство старались показать не только примеры строгости, но и проявлять чувство христианского милосердия и прощения. Например, в день поминовения своего отца, покойного государя Михаила Федоровича, царь амнистировал целый ряд преступников, наказанных за мелкие проступки.

Но все это было лишь началом большой церковной реформы в Русской церкви, которая, к сожалению, привела к ее расколу.

В связи с событиями Раскола интересна биография двух ее лидеров – протопопа Аввакума и патриарха Никона, бывших когда-то единомышленниками по «Кружку ревнителей благочестия».

Об Аввакуме мы узнаем из им же составленного «Жития» («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное») в период 1672-1673 гг. и представляющего собой первый в русской литературе опыт автобиографии.

Аввакум Петрович Кондратьев родился в 1620 или 1621 г. в селе Григорово Княгининского уезда, что в «нижегородских пределах». Земляками Аввакума были еще два видных деятеля Раскола – Павел, епископ Коломенский, и Никон, патриарх Московский. Родился он в семье сельского священника, который «прилежаша пития хмельнаго» и матери «постницы и молитвеницы». Аввакум рано лишился отца и много вытерпел от своего сиротства. Только в выборе жены ему очень посчастливилось. По указанию матери женился он девятнадцати лет на обедневшей купеческой дочери Анастасии Марковне, которая была ему истинной «помощницей ко спасению», верным другом во всех его невзгодах. После женитьбы Аввакум был посвящён в диаконы.

Когда Аввакуму исполнилось 24 года, его посветили в попы и поставили священником села Лопатищи Макарьевского уезда (Нижегородская губерния). Уже здесь резко определилось в нём незнающее ни малейших уступок церковное рвение, которое сделает его жизнь рядом непрерывных мучений. Строгий к самому себе Аввакум столь же строго относился и к своей пастве и ко всякому беззаконию, с которым ему приходилось встречаться. Это вызвало череду конфликтов с местным воеводою, неким Иваном Родионовичем, и другими начальными людьми. Так, в 1648 г. плыл Волгою мимо Лопатищ воевода Шереметев. Ему пожаловались на самоуправство Аввакума. Шереметев призвал его к себе, попенял и хотел было уже отпустить, велел только «на прощание благословить сына своего Матвея, брадобрейца». Но приверженец старины, «видя блудоносный образ» молодого боярина, не убоился гнева воеводы и наотрез отказался благословить боярича. Шереметев, взбешённый отказом, бросил упряма в Волгу, так что протопоп еле спасся от неминуемой гибели.

После того как Аввакуму два раза пришлось бегством спасаться из Лопатищ в Москву, он был назначен протопопом в городок Юрьевец (ныне Ивановской области). И здесь строгий к самому себе, он беспощадно преследовал всякое отступление от церковных правил («попы и бабы, которых унимал от блудни»). За что его жители Юрьевца-Повольского едва не убили. В результате чего около 1651 года Аввакум опять был вынужден бежать от возмущённой паствы в Москву.

Здесь Аввакум Петрович, считавшийся учёным и лично известный царю, находившийся в самых дружеских отношениях с царским духовником Стефаном Вонифатьевым, участвовал в проводимой при патриархе Иосифе «книжной справе». Проживал он у своего друга, тоже знаменитого впоследствии расколоучителя, протопопа Казанского собора Григория Неронова. Не имея своего прихода, он служил и проповедовал в Казанском соборе, что на Красной площади. В этот же период Аввакум входил в «Кружок ревнителей благочестия» и был в приятельских отношениях с Никоном.

Никон, в миру Никита, родился в 1605 году в селе Вельдеманове Княгининского уезда Нижегородской губернии (это недалеко от села Григорово, где родился Аввакум). Детство его прошло весьма печально, так как он рано лишился матери, а мачеха его сильно притесняла.

Несмотря на это, он выучился грамоте и развил свой ум чтением священных книг. Двенадцати лет от роду он тайно ушел в Макарьевский Желтоводский монастырь и восемь лет пробыл там послушником, готовясь принять монашеский постриг. За это время отрок хорошо изучил церковные службы, в монастырской библиотеке приобрел обширные познания, набрался духовного опыта, удивляя братию силой своего характера и строгостью жизни.

Тем не менее, Никите пришлось покинуть обитель: уступая просьбам родственников, он вернулся домой и женился. Вскоре его пригласили священником в соседнее село Макарьев. Отец Никита был высокого роста – 204 см, крепкого телосложения. Он выглядел богатырем, был приятен лицом и имел весьма выразительные глаза. Его величавая наружность, прекрасное служение и ум привлекли к нему любовь московских купцов, приезжавших в Макарьев на ярмарку. Они уговорили его переехать в Москву. В Москве отец Никита прослужил около восьми лет. Когда прижитые в браке дети умерли, он убедил жену принять постриг, а сам удалился в Анзерский скит Соловецкого монастыря, который находился на острове в Белом море.

Постригшись там с именем Никона, он предался суровым подвигам благочестия. Но из-за ссоры с настоятелем скита старцем Елеазаром Никон был вынужден покинуть Анзерский скит. При переправе с острова на материк Никон с местным поселенцем попали в страшную бурю и едва не погибли. Буря унесла их лодку к далекому Кийскому острову в Онежской губе. На этом острове Никон впоследствии во исполнение своего обета построит Крестовый монастырь. После путевых мытарств Никон добрался до Кожеозерского монастыря, где его приняли в число братии. В 1643 году Никона там изберут игуменом. Будучи тремя годами позже в Москве по монастырским делам, Никон впервые встретился с царем Алексеем Михайловичем. Величественная наружность игумена, его умные речи и широкое образование произвели на молодого, искренне прилежавшего Церкви государя неизгладимое впечатление. С того времени началось их сближение, перешедшее вскоре в тесную дружбу.

Желая иметь своего «собинного» друга возле себя, царь повелел перевести его архимандритом московского Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница Романовых. Алексей Михайлович часто приезжал в обитель молиться за упокой своих предков. В свою очередь, Никон должен был каждую пятницу являться к государю для доклада о нуждах бедных, обиженных и угнетенных. Совместная благотворительность сблизила их еще сильнее. В это же время Никон активно занимался исправлением обряда и богослужебных книг.

В 1649 году Никону было определено стать митрополитом Новгородским. От царя он получил особые полномочия – наблюдать за всем управлением и освобождать, по своему усмотрению, узников из темниц. На втором году его архиерейства в городе вспыхнул бунт: народ по незнанию принял хлеб, вывозимый в Швецию (в счет выкупа за православных беглецов, искавших у России защиты), за признак боярской измены. Владыка бесстрашно вышел к мятежникам, вразумляя бунтовавших сперва кротко, а затем со всей силой митрополичьей власти и архипастырского дерзновения. Чернь избивала его до полусмерти. Очнувшись, Никон собрал последние силы, отслужил литургию в Софийском соборе и крестным ходом пошел на бунтующих. Пораженные его твердостью, они смирились, просили прощения и ходатайства перед царем.

В начале 1652 г. по просьбе царя Никон был послан на Соловки за мощами св. Филиппа. Алексею Михайловичу пришла мысль перенести в московский Успенский собор мощи трех бывших московских святителей, пострадавших от мирских властей за правду, за веру и отечество, – митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря, патриарха Иова из Старицы и патриарха Гермогена из Чудова монастыря. Самой дальней и трудной была миссия Никона. Но трудна она была не дальностью расстояния и не желанием соловецких насельников отдавать мощи своего бывшего игумена, но тем, что, прославляя Филиппа, второй царь новой династии,

как бы укорял царя Иоанна Грозного в излишней жестокости и несправедливости и тем самым как бы противопоставлял Дом Романовых династии Рюриковичей.

В то время, когда Никон ездил на Соловки, в Москве произошло важное событие: скончался патриарх Иосиф. Аввакум с Нероновым и еще рядом священников предложили в патриархи кандидатуру Стефана Вонифатьева.

В каждом политическом или религиозном конфликте, как правило, не бывает только двух сторон, двух цветов (белого и красного) противоборства, но есть и их оттенки. Так и во времена мятежа протопопов (боголюбцев) против епископата в середине XVII века в русской религиозной жизни были и различные течения.

Как писал С. Зеньковский в своей книге «Русское старообрядчество», «движение боголюбцев было наиболее значительным и заметным, но не единственным проявлением религиозного пробуждения Московской Руси середины семнадцатого века. Наряду с этим, по преимуществу городским и только отчасти сельским движением, в бесконечных лесах Верхнего Поволжья, расположенных вокруг Костромы, Ярославля, Владимира и Нижнего Новгорода, в тех же 1630-1640-х годах развилось другое, гораздо более аскетическое и радикальное направление. Лесные старцы, как нередко называли руководителей этого радикального в его отношении к миру направления, – так же, как и боголюбцы, имели прочные корни в русской духовной традиции. Но, если боголюбцев вдохновляла оптимистическая любовь к миру и вера в светлое будущее Руси – Нового Израиля, то лесные старцы, наоборот, были пессимистами, охваченными страхом перед грехами мирского общества. Не веря в возможность спасения в миру, они старались уйти подальше от него, в глушь лесов, где перед ними не было вечного соблазна светской жизнью.

Заволжье всегда было благодатной областью для монахов-пустынников, стремившихся спасти свою душу и найти спокойствие в бесконечных лесах севера. Но, уходя от мира, эти монахи не осуждали его и не считали жизнь в мирском обществе за погибель. Лесные же старцы середины семнадцатого века, наоборот, не только видят соблазн в жизни с миром, но, видимо, и совершенно исключают возможность спасения в нем».³

Далее С. Зеньковский писал: «К сожалению, сведения об этом движении еще более скудны, чем о боголюбцах, так как, уходя из мира, эти пустынники не оставили никаких письменных материалов о своем учении. Данные о них можно найти только в отдельных правительственных документах, в произведениях их более поздних последователей, писавших уже в конце семнадцатого века, да и в писаниях их современников-противников. Судя по этим данным, основателем и первым возглавителем этих лесных аскетов был некий монах Капитон, уроженец того же Вологодского края, из которого вышел и Неронов»⁴.

Родился Капитон неизвестно когда в крестьянской семье в селе Даниловском, Костромского уезда. Он постригся в монахи и несколько лет провел в Колесниковой пустыни того же уезда. В 1630-е годы из монастыря он ушел и стал бродячим монахом. После нескольких лет бродяжничества обосновался в глухих лесах к северу от Вязников, куда к нему вскоре стали стекаться люди, прельщенные его постничеством, обличением священноначалия и учением о скором конце света. Постился он с явными нарушениями Церковного Устава и того же требовал от других. Так, в Светлое Воскресение и сам не употреблял, и ученикам не позволял употреблять ничего, кроме хлеба, семян и ягод, а вместо красных пасхальных яиц христосовался луковицами. Начав как постник, Капитон стал отвергать священство и церковные таинства. Он придерживался двуперстного крещения и запрещал своим приверженцам ходить в Церковь, бросать хозяйство и готовиться к Страшному суду.

Некий священник из Вязниковского уезда Василий был первый, кто обратил внимания властей на деятельность Капитона. Он не раз писал донесения в Москву о его разрушительной проповеди. Но не получая ответа, сам отправился в Москву, однако на обратном пути был убит. Хотя капитоны (так называли сторонников учения Капитона) начали распространяться еще в царствование Михаила Федоровича, то есть ранее 1644 г., борьба с «церковными мятежниками» началась только в 1651 г., т. е. за три года до начала Раскола. Царь Алексей Михайлович «велел взять в кельях старца Капитона» в Костромском уезде, но тот скрылся. Куда скрылся Капитон, когда и где умер, точно неизвестно (по некоторым сведениям, в конце 1650-х или начале 1660-х годов). Его учение еще до вступления Никона на патриарший престол распространилось в центре России, охватывая Костромской, Владимирский, Ярославский, Суздальский и другие уезды.

Некоторые исследователи истории Русской Православной Церкви и, в частности, митрополит Макарий (Булгаков) в «Истории русского раскола» так же, как и церковные писатели XVIII века, видели в деятельности Капитона «начатки» беспоповства, одного из течений старообрядчества.

Об этом же писал и С. Зеньковский: «Вполне вероятно, что на учение Капитона повлияли и более ранние русские ереси, которые сначала, на переломе четырнадцатого и пятнадцатого столетий (ересь стригольников), а затем на переломе пятнадцатого и шестнадцатого веков (жидовствующие), стали распространяться на северо-западе России. В своем скептическом отношении к иерархии, священству и иконам и в сомнениях в силе таинств, учение Капитона очень напоминает учение стригольников.

Сама идея бунта против церкви могла выйти, может быть, из еще сохранившихся где-нибудь в лесах до конца шестнадцатого века групп новгородцев или псковитян, оставшихся верными учению своих отцов. На возможную связь пережитков этих ранних ересей указывает распространение так называемой нетовщины, которая уже с конца семнадцатого и начала восемнадцатого века стала хорошо известна как раз в тех местах, где проповедовал Капитон, а именно: вокруг Данилова, в Заволжье, около Костромы и Ярославля, в районе Вязниковских лесов. Нетовцы, которые занимали самое крайнее левое крыло раскола, учили, что «нет ныне в мире ни православного священства, ни таинств, ни благодати», так как антихрист уже пришел в мир. Они вели свое происхождение от некоего Кузьмы, вероятно, ученика Капитона, упоминаемого Евфросинием. Этот Кузьма несколько ослабил учение об умерщвлении плоти и даже разрешил брак, но не как таинство, а просто как регистрацию семьи. В отличие от других старообрядцев, нетовцы не почитали и не имели икон и молились, просто обратившись на восток, как бы поклоняясь востоку. Так же, как Капитон и его более поздние ученики, нетовцы постятся по субботам. Среди них сохранился обряд исповеди земле, который был распространен и среди стригольников четырнадцатого века. Правда, он был известен и на востоке, но, кажется, что проще вести филиацию этого обычая от русских стригольников Новгорода, колонии которых на севере могли сохранить этот обычай до времени Капитона и Кузьмы, чем от столь отдаленного от России Ближнего Востока.

Каковы бы ни были корни Капитоновской ереси, но уже в годы гармоничного сотрудничества боголюбцев с государством и церковью, она внесла первые семена раскола в русский народ».⁵

Никоновская реформа

После сорока дней со дня смерти патриарха Иосифа в Москве был созван церковный собор по выбору нового патриарха. 22 июля 1652 г. съехавшемуся на собор священству было предложено возвести достойнейшего из них – «мужа благоговейного и преподобного» – на патриарший престол. Для порядка было предложено 12 кандидатов. Основной выбор в итоге совершался между Никоном и царским духовником Стефаном Вонифатьевым, однако протопоп Стефан отказался от патриаршества и сам порекомендовал Никона. И Освященный собор без жеребьевки в угоду царю Алексею Михайловичу избрал Патриархом Никона. Митрополит Казанский Корнилий известил об этом царя.

Но согласие Никона последовало далеко не сразу. Разумея тяготы предстоящего служения, зная о враждебном отношении к нему со стороны боярства, Никон долго отказывался. Даже приведенный против воли в Успенский собор Кремля, он не сразу дал свое согласие. Лишь когда царь и все присутствовавшие пали на землю и со слезами просили его не отречься вновь, он, умиленный, согласился, но потребовал от присутствующих обязательства «содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и законы благочестивых царей». «Если обещаетесь слушаться меня, – просил Никон, – как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я, по вашему желанию, не стану больше отречься от великого архиерейства». Царь, бояре и освященный собор произнесли пред святым Евангелием и чудотворными иконами обет исполнять предложенное Никоном, после чего он занял место патриарха всея Руси.

Оценивая начало деятельности Никона на посту патриарха, С. Зеньковский писал: «Новый патриарх энергично, планомерно и успешно продолжал проводить программу боголюбцев по поднятию нравственного уровня духовенства и народа, распространению проповеди и единогласного богослужения и охране русской церковной культуры от иноверных влияний. Теперь, после смерти патриарха Иосифа, консервативная оппозиция не могла уже остановить процесс оздоровления церкви. Обещание, данное царем и боярами на соборе, вырывало почву из-под ног противников усиления церковного влияния из высшего правящего класса, которые так упорно сопротивлялись проповеди боголюбцев. Никон и царь, Вонифатьев и Неронов направляли все свои усилия на оздоровление страны и церкви и усиление православия. Церковная дисциплина часто возрождалась сама по себе уже при одном воспоминании, что новым патриархом является суровый, аскетический и не останавливающийся перед строгим наказанием Никон. Ряд новых достойных иерархов вроде Павла Коломенского и Макария Новгородского, которые были друзьями боголюбческого движения, были назначены на свободные епископские кафедры. Под бдительным надзором боголюбцев и патриарха единогласие завоевывало все более и более прочные позиции в русском богослужебном обиходе».⁶

Далее Зеньковский пишет: «Оставаясь верным стремлениям боголюбцев повысить нравственность и благосостояние народа, патриарх продолжал борьбу с пьянством, бывшим одним из важнейших социальных зол России. Во время управления новгородской епархией он в этом отношении приобрел значительный опыт и теперь предложил правительству новую программу. Он указал, что потери от налогов по продаже алкоголя с успехом покроются доходами от вывоза хлеба, который будет сэкономлен от уменьшения винокурения. Под его давлением уже через семнадцать дней после его поставления в патриархи, 11 августа 1652 года, был издан указ, ограничивавший и даже совершенно запрещающий продажу водки по праздникам и некоторым постным дням. На каждый город оставлялся только один питейный дом, но и в нем продажа ограничивалась одной бутылкой на человека. В небольших деревнях питейные дома были совсем закрыты и продажа водки монахам и духовенству была запрещена. Через четыре недели новый указ запрещал открывать новые и предписывал закрывать уже существующие

кабаки в вотчинах и поместьях, и в результате этих указов деревня должна была быть почти что совершенно очищена не только от питейных домов, но и от ростовщиков, так как содержатели кабаков нередко сами одалживали крестьянам деньги для покупки водки.

Не менее энергично боролся Никон с возможным проникновением иноверных влияний и секуляризационных идей в среду русского народа, продолжая политику изоляции масс русского населения от иностранцев, уже начатую боголюбцами и Вонифатьевым.

Недовольство иностранным соседством уже давно высказывалось москвичами, и в 1642 году около десятка московских приходов района Мясницкой и Прохоровской слобод подали челобитную о том, чтобы протестантские церкви, построенные в их районе, были закрыты и чтобы иностранцы, жившие в их приходах, были переселены в другое место, так как своим поведением они часто оскорбляли религиозные чувства русских людей... Действительно, указ от 4 октября того же 1652 года запрещал иностранцам-иноверцам проживать в самой Москве и предписывал им переселиться в особую слободу на берегу реки Яузы, где им были отведены обширные участки. Эта слобода, вскоре ставшая известной под именем «немецкой», позже выросла в значительный центр средоточия западноевропейцев в России и стала широко известна в ранние годы царствования Петра»⁷.

Став патриархом Никон стал управлять Церковью достаточно жестко и даже деспотично. Невежественных и порочных священников он без всякой пощады лишал мест, сурово наказывал за проступки. Но самым важным делом, на которые Никон направил свои силы, стало исправление богослужебных книг и обрядов.

Как пишет С. Зеньковский: «Мероприятия патриарха Никона по исправлению книг почти невозможно понять, не принимая во внимание его интерес к внешней политике Московской Руси и ко вселенскому православию. Уже неприязнь к иноверцам и Западу неизбежно приводила патриарха к вмешательству в международные отношения России. Неоднократно он старался направлять московскую дипломатию на защиту православия, выступая как вселенский покровитель единоверцев, находившихся под гнетом поляков, турок и шведов».⁸

Никон стал патриархом в самый разгар национально-освободительной борьбы на Украине. Решение московского правительства помочь Хмельницкому и принять под свое подданство Малороссию было принято после долгих колебаний и не без прямого участия патриарха Никона. Новый Земский Собор, собравшийся 1 января 1653 года, на котором Никон играл очень значительную роль, постановил принять Малую Русь под высокую руку царя Руси Великой и «за государя стояти против литовского [и польского] короля войну вести».

Кстати, решительная позиция Никона взять под державную руку Москвы Малороссию вызвала его первую размолвку с влиятельным боярином Борисом Морозовым и боголюбцами. Морозов, Неронов и Вонифатьев боялись очутиться в одном государстве с подозрительными, с их с религиозной точки зрения, южноруссами.

Но Украиной интересы нового патриарха и царя не ограничивались. Как писал С. Зеньковский, «решение выступить в защиту православного населения Польши обратило глаза Никона и Алексея Михайловича дальше, на православный Восток, о котором им так много говорил патриарх Паисий и который, по словам Паисия, был готов отделиться от турок в случае войны Турции с Россией. Воссоединение всей Южной Руси с Русью Московской могло сделать Россию непосредственным соседом балканских провинций Турции, и Россия, в случае успеха, могла бы со своих границ сравнительно легко помочь православному населению Балкан... Паисий... и многие другие иерархи Балкан и Ближнего Востока неоднократно уговаривали царя и Хмельницкого объединиться в одно сильное государство, которое могло бы осво-

бодить православное население Турции. Со времени учреждения московского патриархата православный Восток привык видеть в России своего защитника и поэтому неудивительно, что слухи о выступлении России в пользу греков и югославян не переставали циркулировать в течение всего XVII века. Эти слухи стали особенно упорными во время восстания Хмельницкого, и после первых же успехов православных против католиков на Балканах начали говорить, что «Цареградом будет владеть великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович». Бывший константинопольский патриарх Афанасий Пантикларий, приехавший в Москву вскоре после избрания Никона, прямо называл царя Алексея Михайловича «столпом твердым и утверждением веры, помощником в бедах, прибежищем нашим и освобождением», а Никону говорил, что он, Никон, предназначен судьбою «освещати соборную апостольскую церковь, Софию премудрость Божию», то есть, говоря проще, войти в Царьград и сделаться вселенским патриархом, вернув православию храм св. Софии»⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.